

## ОТЗЫВ

члена диссертационного совета о диссертации Яо Жун на тему:  
«КОНЦЕПТЫ *СКУКА, ТОСКА, ГРУСТЬ, ПЕЧАЛЬ* В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ  
СОЗНАНИИ (НА ФОНЕ КИТАЙСКИХ КОНЦЕПТОВ НЕГАТИВНЫХ ЭМОЦИЙ)»,  
представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук  
по специальности 10.02.01 – Русский язык

*Цель* своей работы Яо Жун сформулировала так: «толкование изученных концептов с выявлением личностных образных и национальных символических смыслов этих концептов в русском языке в сравнении с китайским» (с. 6). Ну, видимо, все-таки не «изученных», а «изучаемых, исследуемых», но общий смысл этого положения понятен. При этом *актуальность, научная новизна* и разнообразная *значимость* такой постановки цели достаточно основательно описываются в работе самим автором – и с этим трудно поспорить. Исследование Яо Жун *актуально*, так как «концепты негативных эмоций, таких как *Печаль, Тоска*, занимают уникальное место в русской языковой картине мира; несмотря на это, имеющиеся исследования этих концептов не систематизированы, они остаются непонятными и малодоступными для большинства иностранных учащихся» (с. 4). К тому же к исследованию в работе привлечен «новейший материал, способный показать современные представления о смысловом наполнении концептов и выявить, как изменяется представление об изученных концептах во времени в связи со сменой стилей жизни» (там же). Это *ново*, так как «до сих пор не было предпринято систематического изложения смысла указанных концептов специально в символическом значении и на фоне иноязычного материала далёкой по родству языковой семьи» (с. 7). В *теоретическом* отношении все это *значимо*, поскольку в работе предлагается не только «изучение концептов негативных эмоций и способов их вербализации», а также «дальнейшее расширение представлений о ментальности и ее отражении в языке», но и «основательное знакомство китайских русистов с применением методологии исследования концептов на основе учения В. В. Колесова» (с. 8). Как видим, Яо Жун ставит перед собой просто-таки просветительскую задачу – и успешно, надо сказать, ее решает. Наконец, *практическая ценность* работы Яо Жун обусловлена тем, что ее материалы и выводы «могут использоваться в лексикографической практике» и «в практике межкультурной коммуникации и преподавания русского языка как иностранного, особенно для китайских учащихся» (там же).

О материале и структуре работы сегодня уже много было сказано, поэтому я ограничусь короткой констатацией фактов и некоторыми оценками и эмоциями. Должна сказать, что исследование Яо Жун произвело на меня очень сильное впечатление.

Я читала его как учебное пособие по неведомой мне науке. Особенно первую главу, в которой автор излагает основные понятия концептологии и когнитивной лингвистики. Какие только термины и понятия здесь не упоминаются! Помимо собственно *концепта*, это *лингвокультурема*, *мифологема* и *логоэтистема* (с. 12); «психологическая доминанта», «ускользающий хронотоп» и «всепознающая ноосфера» (с. 13); в структуре концепта выделяются «интразона» и «экстразона», а также «квазиинтразона» и «квазиэкстразона» (с. 24); концепты бывают «узловые» и «атомарные», «микрконцепты» и «макрконцепты» (там же); в работе фигурируют «помысленные сущности», «синергийная энергия» и «тропеические производные» (с. 51). Если Яо Жун действительно разобралась во всем этом терминологическом и несколько заумном многообразии, то – снимаю шляпу. Я через это пробиралась с трудом.

Несколько проще было разобраться с самим понятием *концепта*, хотя и ему Яо Жун дала множество определений, с опорой на работы многих и многих исследователей. Но здесь все было гораздо более приземленно – и оттого более понятно. Концепт – это «единство языка и мышления» (В. В. Колесов), «абстрактное научное понятие на базе житейского» (А. М. Соломоник), «сгусток культуры в сознании человека» (Ю. С. Степанов), «культурный слой между человеком и окружающим его миром» (Н. Д. Арутюнова), «единица коллективного знания» (С. Г. Воркачев), «хранитель памяти человека, содержащий значимые моменты опыта» (В. И. Карасик), концепт рождается «из столкновения словесного значения слова с опытом человека» (Д. С. Лихачев). Ключевые слова для понятия «концепт» хорошо просматриваются в этих определениях. Наконец, на с. 19 Яо Жун суммирует все эти толкования и дает то, которого будет придерживаться в работе сама: концепт, по Яо Жун и В. В. Колесову, это «основная единица ментальности, соединяющая в себе элементы сознания, действительности и языкового знака». Хотя и после всех этих толкований и разъяснений структура концепта, по мнению его исследователей (и, видимо, самой Яо Жун тоже), представляется как «снежный ком» или «облако» (с. 25). И уже сам факт, что аспирантка смогла во всем этом разобраться и даже работать с материалом в этом сложном понятийном пространстве, вызывает большое уважение.

Хотя вот уже сам материал исследования вызвал у меня много больших и маленьких вопросов.

(1) Цитирую автора: «**Материалом** для работы послужили *все литературные тексты*, представляющие толкования концептов *Скука, Тоска, Грусть, Печаль* в Национальном корпусе русского языка», далее называется цифра – «15 тысяч контекстов употребления слов *скука, тоска, грусть, печаль* (15 241 предложение)» (с. 5). Сразу



возникает вопрос: что значит «все литературные тексты» из НКРЯ? Из основного подкорпуса? Или из остальных тоже? Количество подкорпусов в НКРЯ более 10, литературные тексты содержатся во всех из них, исключая разве что диалектный, что тоже не вполне бесспорно. К тому же как раз диалектный материал, если верить Яо Жун, тоже был привлечен: на с. 29 она называет «говоры» в числе тех ресурсов, которые были использованы в работе. Так или иначе, но у меня нет сомнения, что вопрос об источнике материала для исследования требует уточнения.

(2) Если использованы действительно *все литературные тексты*, то закономерно встает второй вопрос: как именно распределяются исследуемые лексемы (или «концепты», в терминологии автора) по этим подкорпусам? Где их больше? Где меньше? Есть ли специфика их употребления в устной и письменной речи? В прозаической и поэтической? В бытовой и газетной? В авторской речи литературных произведений – и в речи персонажей? В диалектной и кодифицированной литературной? Каждый из этих вопросов может стать стимулом, базой для самостоятельного исследования, и трудно себе представить, что все это так или иначе рассмотрено в одной небольшой, пусть даже аспирантской, работе. Особенно – еще и с проекцией на китайский язык. А если материал был все же чем-то ограничен (что и показало дальнейшее знакомство с текстом), то хотелось бы узнать: как и чем?

(3) И еще о материале. На с. 4 Яо Жун пишет, что к исследованию был привлечен «новейший материал». Что именно имеется в виду, если анализируются контексты, начиная практически с 18 века? Под «новейшим материалом» обычно понимают сегодняшнюю повседневную речь или, например, язык Интернета, но этого в работе совсем нет. Снова хотелось бы пояснений.

Есть и более конкретные вопросы и замечания к рецензируемой работе.

(4) На с. 19 Яо Жун провозглашает, что «концепты существуют вне времени и пространства». Если это действительно так, то на каком же основании можно сравнивать (и сравниваются в работе самой Яо Жун) разные языки и разные культуры? Или имелось в виду что-то другое?

(5) При обращении к параллельным текстам и переводам на китайский язык Яо Жун анализирует уже не только имена существительные (собственно концепты), но и глаголы (*скучать*, *тосковать*). Меняет ли это что-нибудь в понимании концепта? В заключении к работе сказано, что в русском языке рассматриваемые концепты – только существительные, а вот в китайском это могут быть и глаголы (с. 120).

(6) Говоря о проведенных экспериментах (опросах), Яо Жун пишет почему-то не о носителях языка, а о *гражданах* – Российской Федерации и Китая. Какое отношение

гражданство может иметь к владению языком как родным? Например, китаец вполне может быть гражданином РФ, и наоборот. Не проще ли было использовать принятые термины *респондент*, *испытуемый* или *участник эксперимента*?

(7) Очень жаль, что среди респондентов в исследовании Яо Жун совсем не было людей старшего поколения: возраст участников ограничен 38-40 годами. В таком случае полученные результаты никак нельзя экстраполировать на русскую ментальность в целом. Это всего лишь позиция молодежи и совсем чуть-чуть – людей среднего возраста. Тогда как все 4 рассматриваемых концепта, как можно предположить, основываясь как раз на «житейском опыте», о котором писали почти все исследователи, очень актуальны для людей после 50-60 лет (как ни грустно это осознавать): *безысходность*, *бесконечность*, *неизлечимость* – именно эти признаки объединяют, по мнению, Яо Жун, все 4 ее концепта. Думается, что в молодости и в преклонном возрасте эти понятия означают для человека несколько разные вещи.

(8) Описывая эксперимент, Яо Жун говорит, что тем самым выводит свое исследование на анализ *речевой практики* говорящих. Это в корне неверно. Опрос представляет собой обращение только к *ментальному лексикону* говорящего, но никак не к его речи. То есть к тому, что человек думает по поводу своей речи. Реальные же наблюдения над речевой практикой дает только анализ самой речи, а не наших мыслей по этому поводу.

(9) Далее, описывая результаты опроса, Яо Жун называет его участников *коммуникантами*, что снова неверно, так как никаких собеседников у респондентов не было. Думаю, что это просто терминологическая путаница, которая, тем не менее, очень снижает впечатление от работы и подрывает доверие к ее результатам.

(10) В ходе опроса испытуемым предлагалось выполнить 9 заданий (они приведены в приложении 3), четыре из которых требовали от них фактически написания небольшого лингвистического эссе. В частности, респондентов просили дать определения исследуемым концептам. И Яо Жун еще упрекнула своих бескорыстных помощников в том, что они не очень хорошо выполнили это задание, определяя «одно через другое». Стремление определить одно понятие через другое, особенно при их семантической близости, вполне естественно для человека. В словаре В. И. Даля, например, так построены почти все словарные статьи. Давать определения, да еще таким «помысленным сущностям», как *Скука*, *Тоска*, *Грусть*, *Печаль*, действительно трудно. Трудно даже лингвистам-лексикографам (кто прикасался к такой работе, тот знает), а что уж тут ждать от обычных носителей языка, среди которых были не только филологи?! «Некоторым людям трудно различить...», – пишет Яо Жун. А я добавлю: да ВСЕМ трудно. Работа



лексикографа трудна всегда, и попытаться сделать ее за счет непосвященных респондентов, наивных носителей языка, – не лучший способ получить искомый результат. Лучше было бы обратиться именно к речевой практике этих носителей, проанализировать контексты употребления этих слов и делать выводы уже на основе этого (собственного!) анализа.

Хотя не могу не порадоваться тому факту, что из русских носителей Яо Жун смогла привлечь к исследованию 53 % мужчин – больше половины. Это бывает крайне редко. Впрочем, данных о разнице в восприятии, осознании, понимании рассматриваемых 4-х концептов между мужчинами и женщинами в работе нет, так что не очень понятно, зачем было так точно считать, сколько было тех и других.

Из всего сказанного становится ясно, что рецензируемая работа может быть высоко оценена в ее теоретической части – как обзор всей понятийно-терминологической сферы, связанной с концептологией и когнитивной лингвистикой. Несколько ниже уровень практической – собственно исследовательской – части работы, которая вызывает, к сожалению, множество вопросов и нареканий.

Однако закончить хочу все же на позитиве. В работе Яо Жун есть совершенно замечательные приложения 1 и 2 – с полным набором эпитетов, которые употребляются с рассматриваемыми концептами *Скука*, *Тоска*, *Грусть*, *Печаль* в НКРЯ (видимо, все же только в основном подкорпусе, то есть в письменной, по преимуществу художественной, речи) и в Словаре эпитетов [Горбачевич, Хабло 1979].

(11) Жаль, что нет такого же набора, данного респондентами (вот это и мог бы быть тот самый «новейший» материал, о котором было заявлено в начале работы), но и эти два приложения уже хороши и могут быть полезны другим исследователям, в самых разных целях.

Запоздало скажу также, что интересной была и вторая глава работы, с размышлениями о языковой картине мира, с экскурсом по словарям и обращением к мудрости народа (половицы и поговорки). Было любопытно увидеть, что *скука* связана с *кукушкой* (однообразное кукование), *тоска* – с прилагательным *тощий* ('пустота'), а *грусть* – с *грудой* и *грузом* ('тяжесть'). Интересно также, что если в русском языке *Скука*, *Тоска*, *Грусть* и *Печаль* – это синонимы, то в китайском из этого ряда выделяется *скука*. Общими для двух языков и двух культур являются и причины появления рассматриваемых чувств: одиночество, переживание за будущее, разлука (с родиной или с любимым человеком), а также «место их обитания» в человеке – *душа* (*сердце*). Тут уже действительно, пожалуй, – «вне времени и пространства».

Заслугой автора можно считать и то, насколько верно и последовательно Яо Жун применила на деле все положения концепции своего первого учителя, В. В. Колесова, в частности, его «концептуальный квадрат», с выделением 4-х групп признаков: типичные, глубинные, интенсивные и длительные.

Из фактических параметров назову следующие: положения и выводы своего исследования Яо Жун обсуждала на 4-х международных конференциях и опубликовала в 7-ми работах, из которых 5 – ВАКовского уровня. В списке использованной литературы 146 номеров (в их числе одна работа по-английски) и 16 словарей. Очевидно, что все поставленные задачи в работе решены, цель достигнута, и я могу перейти к итоговому заключению.

Диссертация Яо Жун на тему: «Концепты в русском языковом сознании (на фоне китайских концептов негативных эмоций)» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», а соискатель Яо Жун заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Член диссертационного совета  
доктор филологических наук,  
профессор кафедры русского языка  
филологического факультета СПбГУ



Н. В. Богданова-Бегларян

12.04.2021